

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ ДАНИИЛА ГРАНИНА

Анатолий КУРЧАТКИН

В ЛИТЕРАТУРЕ у нас сейчас пора собраний сочинений. Вышли и четыре тома Даниила Гранина: «Генерал Коммуны» (1951), «Искатели» (1951—1954), «Иду на грозу» (1962), «Место для памятника» (1969) и «Картина» (1979)...

Что они такое, эти «собрания сочинений»? Нет, это не просто объединенные одинаковой обложкой и оформлением разнолетние романы, повести и рассказы, не некая «окрошка» из наиболее удачных и значительных вещей. Они — судьба поколения, свод духовных его исканий, надежд и заблуждений, успехов и ошибок, обобщений и разонаправлений; они — биография времени.

Даниилу Гранину в этой биографии принадлежит своя, особая страница.

«По темной улице шли шесть человек... Они выиграли сегодня решающую битву за свет. Никто из них не произносил красивых и выспренных слов. Они мечтали обогреться и выпить водки. Они хлопали носами и засовывали поглубже в карманы грязные красные от мороза руки».

Это — «Искатели». Никто из героев не говорит «красивых и выспренных слов»; нарочито заземлена их радость — «хлопали носами»; «мечтали выпить водки». Но красивые слова все-таки произносятся, причем не кем другим, как автором: они в самом подчеркивании неромантичности ситуации, в этом-то и проявляется восторг, которого не ощущают герои, его испытывает за них автор.

В неприятии, восторженном любовании героями — правда чувствования, присущая отдаленным от нас уже гремя десятилетиями послевоенным годам. Такой простор открывался впереди, столько было сил, столько веры, столько душевной крепости...

Но в тех же «Искателях», скажете вы, есть такие персонажи, как профессор Тонков, охваченный ради собственной карьеры, престижа, благополучия на любые подлости. Выведет ли жизнь их на чистую воду? Всегда ли правда, честность, благородство смогут расчистить себе дорогу и восторжествовать?

«После того как Брагин стал соавтором, он укрепился, вскоре Селянин уже не упоминали, повсюду фигурировал один Брагин, и само собой получилось, что новый институт достался ему».

Это — из повести «Кто-то должен» (1970). Здесь бесталанное и неправедное подмало под себя талантливого, искреннее, высокое, воспользовалось им — потом выбросило, как ненужное. Здесь не оказалось, как в «Искателях», Майи Устиновой, которая ценой собственного будущего разоблачила карьериста Тонкова. Место ее в повести «Кто-то должен» занял Дробышев, человек, равнодушный поначалу к чужой идее, к чужой беде.

Что же это, ситуация именно конца шестидесятых — начала семидесятых? А в конце сороковых — начале пятидесятых, скажем, ничего подобного быть не могло? Нет, конечно, дело не в ситуации. Просто изменилось время написания: прошло то горячее, счастливое опьянение победой; будни оказались сложнее, чем это представлялось из первых послевоенных лет. В этом-то все дело. Отрезвление атмосферы дало трезвость видения писателю.

Ведь как все поворачивается в повести «Кто-то должен»... Вдруг Дробышев, этот ученый, казалось бы, не способный ни к какому самопожертвованию ради научной идеи, само воплощение этакое благополучия, оказывается в положении Селянина, торкавшегося повсюду со своим изобретением и ни у кого не находившего отклика. И будто что-то повернулось в нем, будто сработало какое-то реле. И вот

уже он не может бросить начатое, отказывается вернуться к прежней, спокойной жизни. Селянин же, дошедший в своем стремлении служить науке до болезненного состояния, оборачивается холодным ловцом удач. Теперь уже Дробышев в какой-то степени зависит от него, а Селянин помогать ему отнюдь не собирается. Вот так завершается повесть «Кто-то должен». В ней нет никакой романтической приподнятости авторской интонации, авторского видения, отголоски чего еще слышались в романе «Иду на грозу». Все это заменено жестокой трезвостью, стоической твердостью веры.

но? Д Гранин решительно отвечает: нет, не многие. И нет в его «Картине», как и в повести «Кто-то должен», какой-либо романтической дымки, какого-либо любования героем, совершающим в конце концов поступок. Однако есть между этими произведениями существенная разница. Герой повести поступал по велению сердца: хотел он того или не хотел, подобное с ним должно было случиться. Герой романа действовал как бы помимо внутреннего желания — под неудержимым давлением событий. Это сама жизнь потребовала от него сделаться личностью, чтобы остаться хо-

весть или, роман, выписывает свою «кривую» всегда относительно одной и той же неизменной установочной линии: веры в примат добра над злом. Это противостояние, где первое в писательском сознании всегда берет верх над вторым, может быть продолжено: человечность и бесчеловечность, честность и бесчестность, созидание и разрушение.

Вот, кстати, ответ на отложенный вопрос о «стоической твердости веры». В конечную победу добра над злом Д. Гранин действительно верит стоически твердо.

Но в своем творчестве он все не дает плоского понимания примата, когда добро непременно и тотчас же должно победить зло. Все гораздо сложнее: добро нередко оказывается перед злом беспомощным, незащищенным. И, однако, однако же...

Чтобы четче сформулировать это «однако», стоит, пожалуй, обратиться к «Месту для памятника» (1969). Нашей критикой не очень-то много было уделено внимания этой великолепной, мастерски сделанной повести, в которой переплетается жесткая реальность изображаемого с самой смелой фантастикой.

Один из персонажей повести, некто Осокин, чиновник средней руки, ведающий в числе прочего распределением квартир, отказывает в получении жилплощади некоему Лиденцову, называющему себя ученым, намекающим на некое сделанное им важное открытие. «Если не проходимец и не лисих, то уж во всяком случае, пустой, ненужный в жизни человечка» — вот характеристика, которую мысленно дает просителю Осокин. Происходит все это где-то в «начале пятидесяти годов нашего века». И вот минует сколько-то лет, Осокин уже пенсионер, любит по

да человек и д е и, человек принципов, то есть именно человек добра.

Верьность Д. Гранина этой «установочной линии» в течение всех тридцати с лишним лет работы в литературе — свидетельство магистральности для него этой темы: стойкости добра, мужественности его, способности к сохранению в самых подчас тяжелейших условиях. Потому и не мог он пройти мимо судьбы Клавдии Вилор и не написать повесть «Клавдия Вилор»; пройти мимо судьбы Любичева и не написать повесть «Эта странная жизнь»; не написать повесть «Наш комбат» — о танувшихся из войны, длящихся уже долгие десятилетия муках совести ни в чем, в общем-то, не виноватого человека. Не случайно, я полагаю, написано им эссе «Священный дар» — о Пушкине, его «Моцарте и Сальери», о Видоке Булгарине. Там есть примечательная фраза о том, что остается злодейства, но торжествует гений. И недаром повесть о путешествии на свою родину, в места детства — «Обратный билет» — заканчивается размышлением о природе добра:

«Мне приходили на ум... люди, которые умудрились, несмотря на все удары жизни, оставаться человечными, стойкими в своей доброте. Больше, чем других, постигали их разочарования, обиды, несправедливости. И все же они не поддавались злобе, цинизму, унынию. Что помогло им, что поддерживало их дух? Что облизывало их душу, сохраняло доброту, когда казалось это так невыгодно, когда все было против?»

Примером такого постоянства может служить творчество самого Даниила Гранина. Сын лесника, родившийся и выросший в центре России — в Курской области, он рано познал трудовую жизнь. Его хорошо помнят в коллективе прославленного Кировского завода в Ленинграде, где он работал конструктором. Начав печататься с тридцати лет, писатель сделал своей главной темой то, что хорошо изучил, — труд рабочих и ученых. Любимый герой Гранина — передовой человек, одержимый духом творческого искания. По его книгам — от повести «Победа инженера Корсакова» (1949) и романа «Искатели» (1954) до знакомой всем «Картины» — можно проследить путь нашего современника. Собрание сочинений Гранина — это духовная биография целого поколения советских людей.

Сам писатель нередко испытывает мучительные раздумья. Вот своеобразная его исповедь: «Говорят, что биография писателя — его книги. Но почему-то, когда я сижу за столом, работаю, меня мучает чувство утраты, мне кажется, что биография моя прерывается, что настоящая жизнь, с солнцем, морем, природой, встречами, эта жизнь проходит мимо, она слышна за окнами смежом, детей и шумом машин. А когда я не пишу, а гуляю с друзьями, куда-то еду, я корю себя за то, что не работаю, трачу время впустую...».

Я читаю эти строки и думаю о том, какой яркой, насыщенной творчеством жизнью живет этот человек. И какую при этом проявляет целеустремленность, верность избранному пути.

Но при всем этом постоянстве Д. Гранин — писатель совершенно непредсказуемый. Романы, повести, рассказы перемежаются в его творчестве с документальными хрониками, с художественными биографиями, с эссе о литературе, с очерками путешествий. Я постоянно живу с предвкушением такого вот ощущения, когда вижу свежие номера журналов; в одном из них окажется имя — Даниил Гранин, и, когда начнешь его читать, будешь это совсем непохожим на все прежде написанное им...

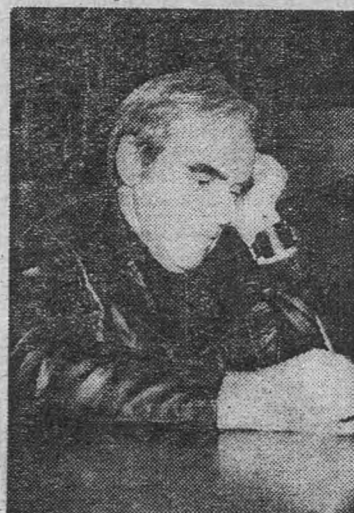
ТОЧКА

Но позволительно будет спросить: веры во что? Сделаем пока зарубку на память и оставим на время этот вопрос. Пойдем дальше, к самому последнему произведению Д. Гранина, написанному в конце семидесятых, — к роману «Картина». Разговоры о нем еще не остыли, еще идут круги от дискуссионных вихрей. Поэтому нет нужды напоминать о подробностях романа и о том, что там происходит. Стоит посмотреть как происходит.

Вот Лосев, вызвавший бурю страстей покупкой картины, изображающей один из старых уголков города, в котором он председатель горисполкома. Этот герой, по сути, до самой последней, критической минуты — один из равнодушнейших участников разыгравшейся драмы. Не в смысле некоего хладнокровного стояния вне баталий, нет, он как раз в самой гуще событий, но сердца его в этом нет. Оно у него бьется слишком расчетливо, не из корысти, но расчетливо: Лосеву хочется оставить после себя что-то. Не родильный дом, который бы и без него поставили, не отремонтированную канализацию, которую бы и без него отремонтировали, а вот именно что-то неординарное, необычное... И дом Кислых, изображенный на картине, для этого как нельзя лучше подходит. Правда, до поры до времени Лосев вообще ни о чем подобном не думает, гнет себе председательскую ляжку и гнет — со старательностью, усердием, но как бы по-заранее, до чего еще проложенной колеи. И лишь под влиянием бесед с Поливановым, бывшим еще в тридцатые годы «хозяйном» города, под влиянием общения с учительницей рисования Татьяной Тучковой вызревает в нем «новая» идея. До поры до времени он лишь «орудие» в руках людей, которые хотя и сохраняют дом Кислых. Однако в нем почемному вызывает личностное, вызывает именно после разговоров с Поливановым и ссоры с ним, после общения и близости с Таней Тучковой. Все это приводит к «взрыву», когда наперекор принятому свыше решению председатель горисполкома отказывается сносить дом Кислых. Лосев понимает, что его служебное положение поставлено на карту, но тем не менее идет и на это.

Не знаю почему, но в спорах о романе Д. Гранина не заметили главного — созревания на наших глазах личности Лосева. Ведь роман именно об этом. Борьба вокруг дома Кислых — лишь сюжет. Должно быть, многих обмануло то, что герой с первых страниц романа — лицо активно действующее, умеющее принимать решения. Однако ответственность ответственности — рознь, и чаще всего она ложится по должности. Та, которую взял на себя Лосев в конце событий, — явное «должностное» превышение.

Многие ли решатся на подоб-

Даниил ГРАНИН.

ОТСЧЕТА

зайном положением, хозяйном судьбы, не быть всего лишь «винтиком» в громадном производственном механизме.

Путь Даниила Гранина — повествователя и романиста можно изобразить, разумеется, в самых общих чертах примерно так. Он начал с героя, в котором личностное было как нечто изначальное, как единственный способ его существования; затем перешел к герою, в котором ранее дремавшее личностное начало пробуждается от некоего внутреннего «толчка»; и далее — к герою, в котором личность формируется как бы самим неуклонным развитием жизни. А вот та же формула в ином изображении: от восторженной романтичности — через реалистически объективный анализ — к прогнозированию насущнейших потребностей времени. Даниил Гранин в полном смысле этого слова летописец своего времени; его перо, подобно перу самописца в сейсмографе, зафиксировало самые массовые, самые мощные колебания общественного сознания, самые пространственные надежды.

В этом и состоит она, главная особенность гранинской странички в художественной летописи минувшего тридцатилетия.

Но вот что примечательно: эта страничка — отнюдь не простой перевод на бумагу посредством слова явных и неявных, глухих и отчетливых, сильных и слабых колебаний общественного сознания. Кривая, вырисовываемая пером самописца, как известно, выписывается относительно какой-то прямой, точки на коей и есть точки отсчета. Точно так же практически каждое произведение Д. Гранина, будь то по-

вечером совершать паше прогулки по близлежащим районам. Забредя во время одной из прогулок в район, мало ему знакомый, он останавливается, пораженный: эту площадь с только что построенным зданием гостиницы он откуда-то уже знает. Откуда? Оказывается, по фотографии, которую в пятидесятые годы показывал ему этот самый Лиденцов. Но как он мог иметь почти сорок лет назад эту фотографию? Бред какой-то, чушь...

Осокину не так-то легко, счита все это бредом, вновь обрести утраченное душевное равновесие. Теперь он начинает ходить по различным учреждениям, выяснять, кто такой был Лиденцов, просит провести исследование фотографии. Ему хочется получить вестественные доказательства, что все это бред и чушь, а следовательно, ни в чем он не виноват, сняв Лиденцова с очереди на жилплощадь. Но жизнь вместо желаемого подсовывает иное: абсолютно забытый человек вдруг выплывает из тьмы небытия, отыскиваются лиденцовские работы, и оказывается, что проблемы, над которыми бьются современные физики, Лиденцовым были практически разрешены.

Злу, перемоловавшему человека, несущего добро, само это добро оказалось не по зубам. Казалось бы, совершенно затоптанное, обращенное в прах, оно вдруг возродилось, спрото Феникс. Добро оказалось слабосильно с виду, оно не смогло устоять против крепкого кулака; но зло бесплодно, оно ничего создать не может и рано или поздно обращается за помощью к добру...

Герой Д. Гранина — это все-